

Большая касыда

Глаза поили душу красотой...
О, мирозданья кубок золотой!

И я пьянел от сполоха огней,
От звона чаш и радости друзей.

Чтоб охмелеть, не надо мне вина -
Я напоен сверканьем допьяна.

Любовь моя, я лишь тобою пьян,
Весь мир расплылся, спрятался в туман,

Я сам исчез, и только ты одна
Моим глазам, глядящим внутрь, видна.

Так, полный солнцем кубок при губя,
Себя забыв, я нахожу тебя.

Когда ж, опомнясь, вижу вновь черты
Земного мира,- исчезаешь ты.

И я взмолился: подари меня
Единым взглядом здесь, при свете дня,

Пока я жив, пока не залила
Сознанье мне сияющая мгла.

О, появись или сквозь зыбкий мрак
Из глубины подай мне тайный знак!

Пусть прозвучит твой голос, пусть в ответ
Моим мольбам раздастся только: "Нет!"

Скажи, как говорила ты другим:
"Мой лик земным глазам неразличим".

Ведь некогда раскрыла ты уста,
Лишь для меня замкнулась немота.

О, если б так Синай затосковал,
В горах бы гулкий прогремел обвал,

И если б было столько слезных рек,
То, верно б, Ноев затонул ковчег!

В моей груди огонь с горы Хорив
Внезапно вспыхнул, сердце озарив.

И если б не неистовство огня,
То слезы затопили бы меня,

А если бы не слез моих поток,
Огонь священный грудь бы мне прожег.

Не испытал Иаков ничего
В сравненье с болью сердца моего,

И все страданья Иова - ручей,
Текущий в море горести моей.

Когда бы стон мой услышал Аллах,
Наверно б, лик свой он склонил в слезах.

О, каравана добрый проводник,
Услышь вдали затерянного крик!

Вокруг пустыня. Жаждою томим,
Я словно разлучен с собой самим.

Мой рот молчит, душа моя нема,
Но боль горит и говорит сама.

И только духу внятен тот язык -

Тот бессловесный и беззвучный крик.

Земная даль - пустующий чертог,
Куда он вольно изливаться мог.

И мироздание вместить смогло
Все, что во мне сверкало, билось, жгло -

И, истиной наполнившись моей,
Вдруг загорелось сонмами огней.

И тайное мое открылось вдруг,
Собравшись в солнца раскаленный круг.

Как будто кто-то развернул в тиши
Священный свиток - тайнопись души.

Его никто не смог бы прочитать,
Когда б любовь не сорвала печать.

Был запечатан плотью тайный свет,
Но тает плоть - и тайн у духа нет.

Все мирозданье - говорящий дух,
И книга жизни льется миру в слух.

А я... я скрыт в тебе, любовь моя.
Волною света захлебнулся я.

И если б смерть сейчас пришла за мной,
То не нашла б приметы ни одной.

Лишь эта боль, в которой скрыт весь "я",-
Мой бич? Награда страшная моя!

Из блеска, из надмирного огня
На землю вновь не высылай меня.

Мне это тело сделалось чужим,
Я сам желаю разлучиться с ним.

Ты ближе мне, чем плоть моя и кровь,-
Текущий огонь, горящая любовь!

О, как сказать мне, что такое ты,
Когда сравненья грубы и пусты!

Рокочут речи, как накат валов,
А мне все время не хватает слов.

О, этот вечно пересохший рот,
Которому глотка недостает!

Я жажду жажды, хочет страсти страсть,
И лишь у смерти есть над смертью власть.

Приди же, смерть! Сотри черты лица!
Я - дух, одетый в саван мертвеца.

Я весь исчез, мой затерялся след.
Того, что глаз способен видеть,- нет.

Но сердце мне прожгла внезапно весть
Из недр: "Несуществующее есть!"

Ты жжешься, суть извечная моя,-
Вне смерти, в сердцевине бытия,

Была всегда и вечно будешь впредь.
Лишь оболочка может умереть.

Любовь жива без губ, без рук, без тел,
И дышит дух, хотя бы прах истлел.

Нет, я не жалею на боль мою,
Я только боли этой не таю.

И от кого таиться и зачем?
Перед врагом я буду вечно нем.

Он не увидит ран моих и слез,
А если б видел, новые принес.

О, я могу быть твердым, как стена,
Но здесь, с любимой, твердость не нужна.

В страданье был я терпеливей всех,
Но лишь в одном терпенье - тяжкий грех:

Да не потерпит дух мой ни на миг
Разлуку с тем, чем жив он и велик!

Да ни на миг не разлучится с той,
Что жжет его и лечит красотой.

О, если свой прокладывая путь,
Входя в меня, тырываешь грудь,-

Я грудь раскрыл - войди в нее, изволь,-
Моим блаженством станет эта боль.

Отняв весь мир, себя мне даришь ты,
И я не знаю большей доброты.

Тебе покорный, я принять готов
С великой честью всех твоих рабов:

Пускай меня порочит клеветник,
Пускай хула отточит свой язык,

Пусть злобной желчи мне подносят яд -
Они мое тщеславье поразят,

Мою гордыню тайную гоня,

В борьбу со мною вступят за меня.

Я боли рад, я рад такой борьбе,
Ведь ты нужней мне, чем я сам себе.

Тебе ж вовек не повредит хула,-
Ты то, что есть, ты та же, что была.

Я вглядываюсь в ясные черты -
И втянут в пламя вечной красоты.

И лучше мне сгореть в ее огне,
Чем жизнь продлить от жизни в стороне.

Любовь без жертвы, без тоски, без ран?
Когда же был покой влюбленным дан?

Покой? О нет! Блаженства вечный сад,
Сияя, жжет, как раскаленный ад.

Что ад, что рай? О, мучай, презирай,
Низвергни в тьму,- где ты, там будет рай.

Чем соблазнусь? Прельщусь ли миром всем? -
Пустыней станет без тебя эдем.

Мой бог - любовь. Любовь к тебе - мой путь.
Как может с сердцем разлучиться грудь?

Куда сверну? Могу ли в ересь впасть,
Когда меня ведет живая страсть?

Когда могла бы вспыхнуть хоть на миг
Любовь к другой, я был бы еретик.

Любовь к другой? А не к тебе одной?
Да разве б мог я оставаться мной,

Нарушив клятву неземных основ,
Ту, что давал, еще не зная слов,

В преддверье мира, где покровов нет,
Где к духу дух течет и к свету свет?

И вновь клянусь торжественностью уз,
Твоим любимым ликом я клянусь,

Заставившим померкнуть лунный лик;
Клянусь всем тем, чем этот свет велик,-

Всем совершенством, стройностью твоей,
В которой узел сцепленных лучей,

Собрав весь блеск вселенский, вспыхнул вдруг
И победил непобедимость мук:

"Мне ты нужна! И я живу, любя
Тебя одну, во всем - одну тебя!

Кумирам чужд, от суеты далек,
С души своей одежды я совлек

И в первозданной ясности встаю,
Тебе открывши наготу мою.

Чей взгляд смутит меня и устыдит?
Перед тобой излишен всякий стыд.

Ты смотришь вглубь, ты видишь сквозь покров
Любых обрядов, и имен, и слов.

И даже если вся моя родня
Начнет позорить и бранить меня,

Что мне с того? Мне родственны лишь те,
Кто благородство видит в наготе.

Мой брат по вере, истинный мой брат
Умен безумьем, бедностью богат.

Любовью полн, людей не судит он,
В его груди живет иной закон,

Не выведенный пальцами писца,
А жаром страсти вписанный в сердца.

Святой закон, перед лицом твоим
Да буду я вовек непогрешим.

И пусть меня отторгнет целый свет! -
Его сужденье - суета сует.

Тебе открыт, тебя лишь слышу я,
И только ты - строжайший мой судья".

И вот в молчанье стали вдруг слышны
Слова из сокровенной глубины.

И сердце мне пронзили боль и дрожь,
Когда, как гром, раздался голос: "Ложь!

Ты лжешь. Твоя открытость неполна.
В тебе живу еще не я одна.

Ты отдал мне себя? Но не всего,
И себялюбье в сердце не мертво.

Вся тяжесть ран и бездна мук твоих -
Такая малость, хоть и много их.

Ты сотни жертв принес передо мной,
Ну, а с меня довольно и одной.

О, если бы с моей твоя судьба

Слились - кясра и точка в букве "ба"!

О, если б, спутав все свои пути,
Ты б затерялся, чтоб меня найти,

Навек и вмиг простясь со всей тщетой,
Вся сложность стала б ясной простотой,

И ты б не бился шумно о порог,
А прямо в дом войти бы тихо смог.

Но ты неходишь, ты стоишь вовне,
Не поселился, не живешь во мне.

И мне в себя войти ты не даешь,
И потому все эти клятвы - ложь.

Как страстен ты, как ты велеречив,
Но ты - все ты. Ты есть еще, ты жив.

Коль ты правдив, коль хочешь, чтоб внутри
Я ожила взамен тебя,- умри!"

И я, склонясь, тогда ответил ей:
"Нет, я не лжец, молю тебя - убей!"

Убей меня и верь моей мольбе:
Я жажду смерти, чтоб ожить в тебе.

Я знаю, как целительна тоска,
Блаженна рана и как смерть сладка,

Та смерть, что, грань меж нами разруби,
Разрушит "я", чтоб влить меня в тебя.

(Разрушит грань - отдельность двух сердец,
Смерть - это выход в жизнь, а не конец,

Бояться смерти? Нет, мне жизнь страшна,
Когда разлуку нашу длит она,

Когда не хочет слить двоих в одно,
В один сосуд - единое вино.)

Так помоги мне умереть, о, дай
Войти в бескрайность, перейдя за край,-

Туда, где действует иной закон,
Где побеждает тот, кто побежден.

Где мертвый жив, а дрящущий жизнь - мертвец,
Где лишь начало то, что здесь конец,

И где царит над миром только тот,
Кто ежечасно царство раздает.

И перед славой этого царя
Тускнеет солнце, месяц и заря.

Но эта слава всходит в глубине,
Внутри души, и не видна вовне.

Ее свеченье видит внешний взор,
Как нищету, бесчестье и позор.

Я лишь насмешки слышу от людей,
Когда пою им о любви своей.

"Где? Кто? Не притчей, прямо говори!" -
Твердят они. Скажу ль, что ты внутри,

Что ты живешь в родящей солнце тьме,-
Они кричат: "Он не в своем уме!"

И брань растет, летит со всех сторон...
Что ж, я умом безумца наделен:

Разбитый - цел, испепеленный - тверд,
Лечусь болезнью, униженьем горд.

Не ум, а сердце любит, и ему
Понятно непонятное уму.

А сердце немо. Дышит глубина,
Неизреченной мудрости полна.

И в тайне тайн, в глубинной той ночи
Я слышал приказание: "Молчи!"

Пускай о том, что там, в груди, живет,
Не знают ребра и не знает рот.

Пускай не смеет и не сможет речь
В словесность бессловесное облечь.

Солги глазам и ясность спрячь в туман -
Живую правду сохранит обман.

Прямые речи обратятся в ложь,
И только притчей тайну сбережешь.

И тем, кто просит точных, ясных слов,
Я лишь молчанье предложить готов.

Я сам, любовь в молчанье углубя,
Храню ее от самого себя,

От глаз и мыслей и от рук своих,-
Да не присвоят то, что больше их:

Глаза воспримут образ, имя - слух,
Но только дух обнимет цельный дух!

А если имя знает мой язык,-

А он хранить молчанье не привык,-

Он прокричит, что имя - это ты,
И ты уйдешь в глубины немоты.

И я с тобой. Покуда дух - живой,
Он пленный дух. Не ты моя, я - твой.

Мое стремление тобой владеть
Подобно жажде птицу запереть.

Мои желанья - это западня.
Не я тебя, а ты возьми меня

В свою безмерность, в глубину и высь,
Где ты и я в единое слились,

Где уши видят и внимает глаз...
О, растворения высокий час.

Простор бессмертья, целостная гладь -
То, что нельзя отдать и потерять.

Смерть захлебнулась валом бытия,
И вновь из смерти возрождаюсь я.

Но я иной. И я, и ты, и он - Все - я.
Я сам в себе не заключен.

Я отдал все. Моих владений нет,
Но я - весь этот целокупный свет.

Разрушил дом и выскользнул из стен,
Чтоб получить вселенную взамен.

В моей груди, внутри меня живет
Вся глубина и весь небесный свод.

Я буду, есмь, я был еще тогда,
Когда звездою не была звезда.

Горел во тьме, в огне являлся вам,
И вслед за мною всех вас вел имам.

Где я ступал, там воздвигался храм,
И кибла киблы находилась там.

И повеленья, данные векам,
Я сам расслышал и писал их сам.

И та, кому в священной тишине
Молился я, сама молилась мне.

О, наконец-то мне постичь дано:
Вещающий и слышащий - одно!

Перед собой склонялся я в мольбе,
Прислушивался молча сам к себе.

Я сам молил, как дух глухонемой,
Чтоб в мой же слух проник бы голос мой;

Чтоб засверкавший глаз мой увидал
Свое сверканье в глубине зеркал.

Да упадет завеса с глаз моих!
Пусть будет плоть прозрачна, голос тих,

Чтоб вечное расслышать и взглянуть
В самую исчезающую суть,

Священную основу всех сердец,
Где я - творение и я - творец.

Аз есмь любовь. Безгласен, слеп и глух
Без образа - творящий образ дух.

От века сущий, он творит, любя,
Глаза и уши, чтоб познать себя.

Я слышу голос, вижу блеск зари
И рвусь к любимой, но она внутри.

И, внутрь войдя, в исток спускаюсь вновь,
Весь претворясь в безликую любовь.

В одну любовь. Я все. Я отдаю
Свою отдельность, скорлупу свою.

И вот уже ни рук, ни уст, ни глаз -
Нет ничего, что восхищало вас.

Я стал сквозным - да светится она
Сквозь мой покров, живая глубина!

Чтоб ей служить, жить для нее одной,
Я отдал все, что было только мной:

Нет "моего". Растаяло, как дым,
Все, что назвал я некогда моим.

И тяжесть жертвы мне легка была:
Дух - не подобье вьючного осла.

Я нищ и наг, но если нищета
Собой гордится - это вновь тщета.

Отдай, не помня, что ты отдаешь,
Забудь себя, иначе подвиг - ложь.

Признанием насытись до полна,
Увидишь, что мелеет глубина,

И вдруг поймешь среди пустых похвал,

Что, все обретши, душу потерял.

Будь сам наградой высшею своей,
Не требуя награды от людей.

Мудрец молчит. Таинственно нема,
Душа расскажет о себе сама,

А шумных слов пестреющий черед
Тебя от тихой глубины оторвет,

И станет чужд тебе творящий дух.
Да обратится слушающий в слух,

А зрящий - в зренья! Поглощая свет,
Расплавься в нем! - Взвизгивающего нет.

С изделием, мастер, будь неразделим,
Сказавший слово - словом стань самим.

И любящий пусть будет обращен
В то, чем он полн, чего так жаждет он.

О, нелегко далось единство мне!
Душа металась и жила в огне.

Как много дней, как много лет подряд
Тянулся этот тягостный разлад,

Разлад с душою собственной моей:
Я беспрестанно прекословил ей,

И, будто бы стеной окружена,
Была сурова и нема она.

В изнеможенье, выбившись из сил,
О снисхожденье я ее просил.

Но если б снизошла она к мольбам,
О том бы первым пожалел я сам.

Она хотела, чтобы я без слез,
Без тяжких жалоб бремя духа нес.

И возлагала на меня она
(Нет, я - я сам) любые бремена.

И наконец я смысл беды постиг
И полюбил ее ужасный лик.

Тогда сверкнули мне из темноты
Моей души чистейшие черты.

О, до сих пор, борясь с собой самим,
Я лишь любил, но нынче я любим!

Моя любовь, мой бог - душа моя.
С самим собой соединился я.

О, стройность торжествующих глубин,
Где мир закончен, ясен и един!

Я закрывал глаза, чтобы предмет
Не мог закрыть собой глубинный свет.

Но вот я снова зряч и вижу сквозь
Любой предмет невидимую ось.

Мои глаза мне вновь возвращены,
Чтоб видеть в явном тайну глубины

И в каждой зримой вещи различить
Незримую связующую нить.

Везде, сквозь все - единая струя.
Она во мне. И вот она есть я.

Когда я слышу душ глубинный зов,
Летящий к ней, я отвечать готов.

Когда ж моим внимаете словам,
Не я - она сама глаголет вам.

Она бесплотна. Я ей плоть мою,
Как дар, в ее владенье отдаю.

Она - в сей плоти поселенный дух.
Мы суть одно, сращенное из двух.

И как больной, что духом одержим,
Не сам владеет существом своим,-

Так мой язык вещает, как во сне,
Слова, принадлежащие не мне.

Я сам - не я, затем что я, любя,
Навеки ей препоручил себя.

О, если ум ваш к разуменью глух,
И непонятно вам единство двух,

И душам вашим не было дано
В бессчетности почувствовать одно,

То, скольким вы ни кланялись богам,
Одни кумиры предстояли вам.

Ваш бог един? Но не внутри - вовне,-
Не в вас, а рядом с вами, в стороне.

О, ад разлуки, раскаленный ад,
В котором все заблудшие горят!

Бог всюду и нигде. Ведь если он

Какой-нибудь границей отделен,-

Он не всецел еще и не проник
Вовнутрь тебя,- о, бог твой невелик!

Бог - воздух твой, вдохни его - и ты
Достигнешь беспредельной высоты.

Когда-то я раздваивался сам:
То, уносясь в восторге к небесам,

Себя терял я, небом опьянясь,
То, вновь с землею ощущая связь,

Я падал с неба, как орел без крыл,
И, высь утратив, прах свой находил.

И думал я, что только тот, кто пьян,
Провидит смысл сквозь пламя и туман

И к высшему возносит лишь экстаз,
В котором тонет разум, слух и глаз.

Но вот я трезв и не хочу опять
Себя в безмерной выси потерять,

Давно поняв, что цель и смысл пути -
В самом себе безмерное найти.

Так откажись от внешнего, умри
Для суеты и оживи внутри.

Уняв смятенье, сам в себе открой
Незамутненный внутренний покой.

И в роднике извечной чистоты
С самим собой соединишься ты.

И будет взгляд твой углубленно тих,
Когда поймешь, что в мире нет чужих,

И те, кто силы тратили в борьбе,
Слились в одно и все живут в тебе.

Так не стремись определить, замкнуть
Всецелость в клетку, в проявление - суть.

В бесчисленных формах мира разлита
Единая живая красота,-

То в том, то в этом, но всегда одна,-
Сто тысяч лиц, но все они - она.

Она мелькнула ланью среди трав,
Маджнуну нежной Лейлою представ;

Пленила Кайса и свела с ума
Совсем не Лубна, а она сама.

Любой влюбленный слышал тайный зов
И рвался к ней, закутанной в покров.

Но лишь покров, лишь образ видел он
И думал сам, что в образ был влюблен.

Она приходит, спрятавшись в предмет,
Одевшись в звуки, линии и цвет,

Пленяя очи, грезится сердцам,
И Еву зрит разбуженный Адам.

И, всей душой, всем телом к ней влеком,
Познав ее, становится отцом.

С начала мира это было так,
До той поры, пока лукавый враг

Не разлучил смутившихся людей
С душой, с любимой, с сущностью своей.

И ненависть с далеких этих пор
Ведет с любовью бесконечный спор.

И в каждый век отыскивает вновь
Живую вечность вечная любовь.

В Бусейне, Лейле, в Аззе он возник,-
В десятках лиц ее единый лик.

И все ее любившие суть я,
В жар всех сердец влилась душа моя.

Кусаййир, Кайс, Джамиль или Маджнун
Один напев из всех звучащих струн.

Хотя давно окончились их дни,
Я в вечности был прежде, чем они.

И каждый облик, стан, лица овал
За множеством единое скрывал.

И, красоту единую любя,
Ее вбирал я страстно внутрь себя.

И там, внутри, как в зеркале немом,
Я узнавал ее в себе самом.

В той глубине, где разделений нет,
Весь сонм огней слился в единый свет.

И вот, лицо поднявши к небесам,
Увидел я, что и они - я сам.

И дух постиг, освобождаясь от мук,

Что никого нет "рядом" и "вокруг",

Нет никого "вдали" и в "вышине",-
Все дали - я, и все живет во мне.

"Она есть я", но если мысль моя
Решит, паря: она есть только я,

Я в тот же миг низвергнусь с облаков
И разобьюсь на тысячи кусков.

Душа не плоть, хоть дышит во плоти
И может плоть в высоты увести.

В любую плоть переселяться мог,
Но не был плотью всеобъяввший бог.

Так, к нашему Пророку Гавриил,
Принявши облик Дихья, приходил.

По плоти муж, такой, как я и ты,
Но духом житель райской высоты.

И ангела всезнающий Пророк
В сем человеке ясно видеть мог.

Но значит ли, что вождь духовных сил,
Незримый ангел человеком был?

Я человек лишь, и никто иной,
Но горний дух соединен со мной.

О, если б вы имели благодать
В моей простой плоти его узнать,

Не ждя наград и не страшась огня,
Идти за мной и полюбить меня!

Я - ваше знание, ваш надежный щит,
Я отдан вам и каждому открыт.

Во тьме мирской я свет бессонный ваш.
Зачем прельщает вас пустой мираж,

Когда ключом обильным вечно бьет
Живой источник всех моих щедрот?!

Мой юный друг, шаги твои легки!
На берегу остались старики,

А море духа ждет, чтобы сумел
Хоть кто-нибудь переступить предел.

Не застывай в почтении ко мне -
Иди за мною прямо по волне,

За мной одним, за тем, кто вал морской
Берет в узду спокойною рукой

И, трезвый, укрощает океан,
Которым мир воспламененный пьян.

Я не вожатый твой, я путь и дверь.
Войди в мой дух и внешнему не верь!

Тебя обманет чей-то перст и знак,
И внешний блеск введет в душевный мрак.

Где я, там свет. Я жив в любви самой.
Любой влюбленный - друг вернейший мой,

Мой храбрый воин и моя рука,
И у Любви бесчисленны войска.

Но у Любви нет цели. Не убей
Свою Любовь, прицел наметив ей.

Она сама - вся цель своя и суть,
К себе самой вовнутрь ведущий путь.

А если нет, то в тот желанный миг,
Когда ты цели наконец достиг,

Любовь уйдет внезапно, как порыв,
Слияние в разлуку превратив.

Будь счастлив тем, что ты живешь, любя.
Любовь высоко вознесла тебя.

Ты стал главою всех существ живых
Лишь потому, что сердце любит их.

Для любящих - племен и званий нет.
Влюбленный ближе к небу, чем аскет

И чем мудрец, что, знаньем нагружен,
Хранит ревниво груз былых времен.

Сними с него его бесценный хлам,
И он немного будет весить сам.

Ты не ему наследуешь. Ты сын
Того, кто знанье черпал из глубин

И в тайники ума не прятал кладь,
А всех сзывал, чтобы ее раздать.

О, страстный дух! Все очи, все огни
В своей груди одной соедини!

И, шествуя по Млечному Пути,
Полой одежд горящих мрак смети!

Весь мир в тебе, и ты, как мир, един.

Со всеми будь, но избегай общин.

Их основал когда-то дух, но вот
Толпа рабов, отгородясь, бредет

За буквой следом, накрепко забыв
Про зов свободы и любви порыв.

Им не свобода - цепи им нужны.
Они свободой порабощены.

И, на колени пав, стремятся в плен
К тому, кто всех зовет восстать с колен.

Знакомы им лишь внешние пути,
А дух велит вовнутрь себя войти

И в глубине увидеть наконец
В едином сердце тысячи сердец.

Вот твой предел, твоих стремлений край,
Твоей души сияющий Синай.

Но здесь замри. Останови полет,
Иначе пламя грудь твою прожжет.

И, равновесье обрета, вернись
К вещам и дням, вдохнув в них ширь и высь.

О, твердь души! Нерасторжимость уз!
Здесь в смертном теле с вечностью союз

И просветленность трезвого ума,
Перед которым расступилась тьма!

Я только сын Адама, я не бог,
Но я достичь своей вершины смог

И сквозь земные вещи заглянуть
В нетленный блеск, божественную суть.

Она одна на всех, и, верен ей,
Я поселился в центре всех вещей.

Мой дух - всеобщий дух, и красота
Моей души в любую вещь влита.

О, не зовите мудрецом меня,
Пустейший звук бессмысленно бубня.

Возьмите ваши звания назад,-
Они одну лишь ненависть плодят.

Я то, что есть. Я всем глазам открыт,
Но только сердце свет мой разглядит.

Ум груб, неповоротливы слова
Для тонкой сути, блещущей едва.

Мне нет названий, очертаний нет.
Я вне всего, я - дух, а не предмет.

И лишь иносказания одни
Введут глаза в незримость, в вечность - дни,

Нигде и всюду мой незримый храм,
Я отдаю приказы всем вещам.

И слов моих благоуханный строй
Дохнет на землю вечной красотой.

И, подчинись чреде ночей и утр,
Законам дней, сзываю всех вовнутрь,

Чтоб ощутить незыблемость основ

Под зыбью дней и под тцетою слов.

Я в сердцевине мира утвержден.

Я сам своя опора и закон.

И, перед всеми преклонясь в мольбе,

Пою хвалы и гимны сам себе.